

Вновь Манеж, как боевой рубеж

Триумф и травля Ильи Глазунова

Сегодня, незадолго до окончания длящейся месяц выставки Ильи Глазунова в Манеже, можно сказать с полным правом: славу свою художник не пережил. Открывшаяся незадолго до 70-летия мастера шестая персональная экспозиция в Большом Манеже это полностью подтвердила. Начиная с первого дня, пресс-конференции, вернисажа, на который пришли Юрий Лужков и Евгений Примаков, ей сопутствовали все признаки триумфа. Зал, наполненный зрителями, толпы перед большими картинами, очередь у ворот — все так, как было в прошлом.

Лев КОЛОДНЫЙ

Фактор «запретного плода», игравший прежде свою роль на выставках, в условиях гласности не срабатывает. Цензуры нет! Но люди идут к воротам Манежа с утра до вечера. Значит, магнетизирует, притягивает их к стенам Центрального выставочного зала красота высокого искусства, сила духа, страсть творца. Каждую выставку в Манеже он превращает в боевой рубеж, где открывает огонь по силам Зла, принесшим России страдания и горе. Свои и, деи, мысли, пристрастия Глазунов не скрывает, не прячет, как фигу, в кармане. Нет, она, эта натуральная фигу, выпирает из холста «Мистерии XX века-2» среди фигурантов Беловежской пушчи.

25 лет тому назад художник написал «Мистирию XX века», из-за которой была закрыта его большая персональная выставка. Тогда ему предложили в виде компромисса (несостоявшегося) вместо Солженицына написать Брежнев. Он его запечатлел на втором расширенном варианте «Мистерии» в компании вождей КПСС и лидеров Запада, среди тех, кто поклонил под звон бокалов в лесной тиши с геополитической реальностью — СССР.

Таких картин-манifestов среди сотни произведений, заполнивших тысячи квадратных метров Манежа, насчитывается всего семь. В каждой многофигурной композиции спрессованы события и персонажи, объединенные на одном полотне волею творца, разрушившего классическое единство пространства,

времени и действия. Таким придуманным им способом ему удается высказать обуревающие душу чувства и мысли. Это форма, созданная Глазуновым, его вклад в современное искусство, от которого живописца настойчиво отлучают либеральные искусствоведы и журналисты. Они и на этот раз либо замалчивали выставку в Манеже, как это произошло на ОРТ и РТР в день вернисажа, либо в открытую нападали на художника, как поступили многие газеты правого толка, объявившие информационную войну художнику.

Почему? Да потому что в каждом своем живописном манифесте Глазунов предстает контрреволюционером, убежденным противником всех революционеров — от декабристов до большевиков. Ему претят все революции — от Февральской до рыночной и сексуальной, свирепствующих на нашем дворе, на экранах ТВ, страницах СМИ. Художнику не по душе безудержные свободы, оборачивающиеся рубкой икон в Манеже. Ему, убежденному монархисту, враждебны либеральные ценности с улицами красных фонарей. Без устали он обличает американизм со всевластием доллара, стрельбой по прохожим, агрессией секс- и прочих меньшинств...

И родной беспредел с «новыми русскими», киллерами, путанами и прочими героями на

шего времени. Все они — на большом полотне «Рынок нашей демократии».

В аванзале среди холстов-манifestов возвышается самая крупная из всех когда-либо написанных Глазуновым картин — «Разгром храма в пасхальную ночь». Она по всем признакам классическая, соблюдающая каноны европейской живописи, стоящая в одном ряду с историческими картинами Василия Сурикова.

Эта огромная работа, как и многие другие, демонстрирует со всей очевидностью: Глазунов — художник, очарованный историей России. Не только древней, тысячелетней давности, какую до него никто не вспоминал в живописи, но и современной, сегодняшней. В этом качестве он выступает как представитель современного искусства. На картинах в Манеже со всех сторон смотрят на нас вставшие в нищету советские люди, оказавшиеся между молотами тоталитаризма и радикальной демократии. И наобещавший им лучшую жизнь президент, дирижирующий военным оркестром, покидающим Германию. Как он похож на сказочного героя, ликующего на похоронах!

Если вспомнить, что первая триумфальная выставка Ильи Сергеевича состоялась со временем, то ясно: именно столько времени ему сопутствует шумный успех. Так долго он идет одной дорогой, которая представляется многим искусствоведам окольной, маргинальной. Но именно на этом пути художник прославился, заслужил признание народа и творит, поражая работоспособностью и неутомимостью. В свои 69 работает, как в молодости, пишет одновременно по семь картин, им мало места даже в просторной мастерской.

Вот почему под крышу Манежа доставлены не только шедевры из Третьяковской галереи, Русского музея, картины, показанные на

Илья Глазунов во время работы над картиной «Разгром храма в пасхальную ночь»

прежних выставках. Сто холстов не видел прежде никто. Вот они-то стали гвоздем программы, тем самым магнитом, что заставляет людей, сгрудившись, подолгу созерцать живопись.

Прежде Глазунов выставлял большие холсты, но таких, как сегодня, не мог написать. Причина простая: у него при всей популярности у королей и народа не было большой мастерской. Теперь есть — благодаря мэру Москвы Юрию Лужкову. Поэтому задуманный давным-давно «Разгром храма» взят в раму размером 4х3 метра. Сделать ее оказалось непросто, как и оплатить...

Проехав в молодости вниз по Волге, Глазунов увидел города и села с порушенными церквями, услышал воспоминания старожилов о зверствах воинствующих безбожников. Эта накопившаяся в душе боль выплеснулась на полотно, поражающем сложной композицией и дивным колоритом, драматизмом сюжета, красотой людей, попавших в жернова революции. Одна из героинь списана с матери художника. Дед, действительный статский советник, предстает в генеральской шинели, еще не снятой у него «человеком с ружьем». Вечная тема искусства — схватка Добра и Зла — представлена последней великой картиной XX века. Вряд ли кто-нибудь успеет за оставшиеся триста дней написать нечто подобное.

Манеж наглядно опровергает высказывания самого Глазунова, утверждающего, что его творчество укладывается в четыре цикла — исторические картины, портреты, современный город и иллюстрации к русской классике. Все они на месте, в том числе рисунок Сикейроса 1958 года с пророческой надписью мэтра, что Глазунов замечательный художник и глупцы те, кто этого не понимает. В тот год он стал москвичом без прописки, ночевал у друзей, не имел ни кола ни двора. Но и тогда написал много портретов — Андрея Вознесенского, Бориса Слуцкого, Сергея Михалкова, ставшего на всю жизнь «благодетелем», опорой в Москве.

В ней художник осознал себя не только европейцем, но и русским, обязанным спасать от разрушителей старую Москву, Ростов Великий, колокольные звоны и поделки деревенских мастеров. Ему мы обязаны не только академией на Мясницкой, но и музеем в Царицыне, основателем и первым директором которого был именно Илья Глазунов.

С портретами, иллюстрациями все ясно, они укладываются в известные циклы. Но как быть с религиозной живописью, образами Христа? Куда отнести пейзажи России и философские пейзажи, где просматривается среди полей, лесов и рек маленькая фигурка страдающего от одиночест-

ва человека? В какой цикл уложить «Русскую Венеру» и подобные образы, из которых можно составить альбом и выставку столь модной сегодня эротики? Как быть со сценографией, декорациями опер в Большом и других театрах? Наконец, с чем соотносятся дизайн, интерьеры посольства СССР в Испании, академии на Мясницкой, дворца в Кремле, где теперь блещут Петровский и другие залы? Сюда перед выборами Павел Павлович Бородин обещал нас всех допустить в качестве экскурсантов...

Где он теперь? Где многие герои, высвободившие не по своей воле кабинеты в правительственных зданиях? Спустя сто лет о них будут помнить лишь потому, что они оказались прописанными на картинах Глазунова. В этом я не сомневаюсь, потому что на Волхонке найден дом для галереи художника. Все свои картины он подарил городу. Мэр Москвы пообещал на открытие выставки в Манеже, что глазуновские холсты не будут, как прежде, пылиться в запасниках, намотанные на валы, скрытые от глаз. Мы их увидим и через год после закрытия шестой персональной выставки в Манеже. Потому что у них будет персональный музей рядом с собором Христа. Под занавес скажу: первым ударил в колокола, призывая к возрождению взорванного храма, все тот же художник...